
Малое
собрание
сочинений

Бернард ШОУ

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-6
Ш 81

Перевод с английского
Сергея Боброва, Марии Богословской, Елены Лопыревой,
Марии Лорие, Полины Мелковой, Наталии Рахмановой

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Виктории Манацковой

- © С. П. Бобров (наследники), перевод, 2021
- © М. П. Богословская (наследники), перевод, 2021
- © Е. А. Лопырева (наследники), перевод, 2021
- © М. Ф. Лорие (наследники), перевод, 2021
- © П. В. Мелкова (наследники), перевод, 2021
- © Н. Л. Рахманова, перевод, 1980, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19228-7

Кандида

Мистерия

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ясное октябрьское утро в северо-восточной части Лондона; это обширный район вдаль от кварталов Мейфера и Сент-Джеймса; в его трущобах нет той скученности, духоты и зловония. Он невозмутим в своем мещански-непритязательном существовании: широкие улицы, многотысячное население, обилие уродливых железных писсуаров, бесчисленные клубы радикалов, трамвайные пути, по которым непрерывным потоком несутся желтые вагоны. Главные улицы благоденствуют среди палисадников, поросших травой, не истоптанных человеческой ногой за пределами дорожки, ведущей от ворот к подъезду; глаз отупело мирится с унылым однообразием неприглядных кирпичных домов, черных чугунных решеток, каменных тротуаров, шиферных крыш, с благопристойностью дурно одетых и непристойностью бедно одетых людей, которые здесь ко всему пригляделись и по большей части бескорыстно занимаются чужими делами. Некоторая энергия и предприимчивость проявляются лишь в кокнейской страсти к наживе и в оживленной торговле. Даже полисмены и часовни не нарушают здешнего однообразия — их видишь не так уж редко. Солнце весело сияет, никакого тумана. И хотя все пропитано дымом, отчего лица и руки, штукатурка и кирпич и все кругом кажется грязным и несвежим, он висит не такой густой пеленой, чтобы беспокоить лондонского обывателя.

В этой пустыне неприглядности есть свой оазис. В дальнем конце Хэрни-роуд раскинулся парк в двести семнадцать акров, обнесенный не решеткой, а деревянным забором; там много зелени, деревьев, озеро для любителей купания, цветочные клумбы, делающие честь прославленному кокнейскому искусству возделывания газона, и песчаная площадка — куча песку, когда-то привезенного с пляжа для забавы детей, но быстро покинутая ими, после того как она превратилась в естественный приют паразитов, в обиталище всякой мелкой твари, которой изобилуют Кингсленд, Хэрни и Хокстон. Павильон для ор-

кестра, лишенная всякого убранства трибуна для религиозных, антирелигиозных и политических ораторов, крикетное поле, спортивная площадка и старинная каменная беседка — таковы его аттракционы. Там, где перед глазами у вас зеленые холмы и купы деревьев, — это приятное место; там, где голая земля подходит к серому забору, кирпичу, штукатурке, к высоко расклеенным рекламам, тесному строю труб и завесе дыма, — ландшафт уныл и мрачен.

Самый красивый вид на Виктория-парк открывается из окна дома, принадлежащего церкви Святого Доминика; отсюда не видно ни одного кирпича. Приходский священник занимает половину дома с отдельным входом и палисадником. Посетители входят через высокое крытое крыльцо, поставщики провизии и свои домашние — через дверь под крыльцом, ведущую в полуподвальное помещение, в котором находятся столовая и кухня. Наверху, вровень с входной дверью, расположена гостиная с большим зеркальным окном в парк. Это единственная комната, куда прегражден доступ детям и семейным трапезам, здесь трудится приходский священник, достопочтенный Джемс Мэвор Морелл. Он сидит на жестком, вертящемся стуле с круглой спинкой, в конце длинного стола, который стоит так, что, повернув голову налево, можно наслаждаться видом парка. Вплотную к другому концу стола придвинут маленький столик, на нем пишущая машинка. За машинкой, спиной к окну, сидит машинистка. Большой стол завален брошюрами, журналами, письмами, заставлен картотечными ящиками, тут же календарь-блокнот, почтовые весы и прочее. Перед столом, посередине, прямо напротив священника, стул для посетителей. Рядом, так, что можно достать рукой, этажерка, и на ней фотография в рамке. Стена позади уставлена книжными полками, и зоркому, опытному глазу нетрудно догадаться о склонности священника к казуистике и богословию — по теологическим очеркам Морриса и полному собранию стихов Браунинга, а по выделяющемуся своим желтым корешком «Прогрессу и бедности», по «Фабианским опытам», «Мечте Джона Болла», «Капиталу» Маркса и десятку других литературных вех социализма — о его прогрессивных убеждениях. Напротив, в другом конце комнаты, около стола с машинкой, дверь. Подальше, против камина, книжный шкаф и рядом кушетка. В камине горит веселый огонь; и этот уголок у камелька с удобным креслом и черным обливным, расписанным цветами горшком для угля с одной стороны и маленьким детским стульчиком — с другой выглядит очень уютно. В деревянной полированной раме камина вырезаны изящные полочки с тоненькими полосками зеркала, пропущенны-

ми в панели; на полке неизменный свадебный подарок — будильник в кожаном футляре, а на стене над камином — большая репродукция с главной фигуры Тицианова «Успения». В общем, это комната хорошей хозяйки, над которой, в пределах письменного стола, одержал верх беспорядочный мужчина; но повсюду вне этих пределов женщина безусловно сохраняет полный авторитет. Декоративные качества обстановки изобличают стиль «гостиного гарнитура», изготавливаемого предприимчивой мебельной фирмой из предместья; но в комнате нет ничего ни бесполезного, ни претенциозного; ист-эндскому священнику не по карману всякие нарядные безделушки.

Преподобный Джемс Мэвор Морелл — христианский социалист, священник английской церкви и активный член гильдии святого Матфея и христианского социалистического союза. Человек лет сорока, крепкий, здоровый, приятной внешности, бодрый, жизнерадостный, пользующийся всеобщей любовью, он подкупает своей неистощимой энергией, мягкими, располагающими манерами, сильным, проникновенным голосом в сочетании с отчетливой дикцией опытного оратора и богатой экспрессией, которой он пользуется с великолепным мастерством. Это первоклассный священник, который может сказать что угодно кому угодно, который умеет поучать людей, не унижая их, и в случае надобности позволяет себе вмешиваться в их дела, не проявляя при этом никакой навязчивости. Заложенный в нем запас энтузиазма и доброжелательных чувств не иссякает ни на миг. Тем не менее он хорошо ест и спит, что позволяет ему с честью одерживать победу в повседневной борьбе между затратой сил и их восстановлением. Вместе с тем это большой ребенок, которому прощают и некоторое тщеславие, и бессознательное довольство собой. У него здоровый цвет лица, хороший лоб, как бы обрубленные брови, светлые живые глаза, решительный рот, очерченный без особой тонкости, внушительный нос с подвижными, раздувающимися ноздрями драматического оратора, лишенный, как и все его черты, какого-либо изящества.

Машинистка мисс Прозерпина Гарнетт — маленькая подвижная женщина лет тридцати, из мещанской семьи, опрятно, но простенько одетая — в широкой шерстяной юбке и блузке. Довольно бойка и резка на язык; не слишком любезна в обращении, но, по существу, чуткий и преданный человек. Она деловито стучит на машинке, в то время как Морелл распечатывает последнее письмо из утренней почты. Он пробегает его и издает комический вздох отчаяния.

Прозерпина. Еще лекция?

Морелл. Хокстонское общество свободомыслящих граждан просит меня выступить у них в воскресенье утром. *(Он выразительно подчеркивает слово «воскресенье» как явную нелепость.)* А что они собой представляют?

Прозерпина. Анархисты-коммунисты, кажется.

Морелл. Вот именно, что анархисты... Не знают, что священник не может выступать на митинге в воскресенье. Скажите им, пусть придут в церковь, если хотят меня послушать: им это будет полезно. Скажите, что я могу быть у них в понедельник или в четверг. Календарь у вас?

Прозерпина *(беря календарь)*. Да.

Морелл. Есть у меня какая-нибудь лекция в следующий понедельник?

Прозерпина *(заглядывает в календарь)*. Клуб радикалов в Хэмлет-Тауэр.

Морелл. Так. Ну а в четверг?

Прозерпина. Английская Лига по мелиорации земель.

Морелл. А дальше?

Прозерпина. Гильдия святого Матфея — в понедельник. Независимая рабочая партия, гринвичский филиал, — в четверг. В понедельник — социал-демократическая федерация в Майл-Энде. Четверг — первый урок с конфирмантами. *(Нетерпеливо.)* Ах, я лучше напишу им, что вы не можете. Подумаешь, какая-то кучка безграмотных, дерзких уличных разносчиков, у которых нет ни гроша!

Морелл *(посмеиваясь)*. Да, но, видите ли, это мои близкие родственники, мисс Гарнетт.

Прозерпина *(изумленно уставившись на него)*. Ваши родственники?

Морелл. Да, у нас один и тот же отец — на небесах.

Прозерпина *(с облегчением)*. А, только-то!

Морелл *(с огорчением, доставляющим некоторое удовольствие человеку, который умеет так бесподобно выразить его голосом)*. Ах, вы не верите. Вот так-то и все — только говорят, а никто не верит, никто. *(Оживленно, снова переходя к делу)*. Да-да! Ну что же, мисс Прозерпина? Неужели вы не мо-

жете найти свободного дня для разносчиков? А как насчет двадцать пятого? Третьего дня это число было свободно.

Прозерпина (*перелистывая календарь*). Занято — Фабианское общество.

Морелл. Вот привязалось это Фабианское общество! А двадцать восьмого тоже не выйдет?

Прозерпина. Обед в Сити. Вы приглашены на обед в Клуб предпринимателей.

Морелл. Ну вот и отлично: вместо этого я отправлюсь в Хокстонское общество свободомыслящих граждан.

Прозерпина молча записывает, и в каждой черточке ее лица сквозит неуловимое презрение к хокстонским анархистам. Морелл срывает бандероль с оттиска «Церковного реформатора», присланного по почте, и пробегает передовицу мистера Стюарта Хэдлема и извещения гильдии святого Матфея. Действие оживляется появлением помощника Морелла, почтенного Александра Милла, юного джентльмена, которого Морелл откопал в ближайшей университетской общине, куда этот молодой человек явился из Оксфорда, чтобы облагодетельствовать лондонский Ист-Энд своим университетским образованием. Это самодовольно-добродушный, увлекающийся юнец, в котором нет ничего определенно невыносимого, за исключением его привычки говорить почти не разжимая губ, что якобы способствует более изысканному произношению гласных и к чему пока и сводятся все его попытки насадить оксфордскую утонченность в противодействие хэкнийской вульгарности. Морелл, которого он завоевал своей истинно собачьей преданностью, бросает на него снисходительный взгляд поверх «Церковного реформатора».

Морелл. Ну, Лекси? Как всегда, с опозданием?

Лекси. Боюсь, что да. Как бы я хотел научиться вставать пораньше.

Морелл (*в восторге от избытка собственной энергии*). Ха-ха-ха! (*Лукаво.*) Бодрствуйте и молитесь, Лекси, бодрствуйте и молитесь!

Лекси. Я знаю. (*Стараясь быть остроумным.*) Но как же я могу бодрствовать и молиться, когда я сплю? Не правда ли, мисс Просси? (*Идет к камину.*)

Прозерпина (*резко*). Мисс Гарнетт, сделайте одолжение!

Лекси. Прошу прощения! Мисс Гарнетт.

Прозерпина. Вам придется сегодня поработать за двоих.

Лекси (*стоя у камина*). Почему?

Прозерпина. Не важно почему. Вам полезно будет хоть раз в жизни взять пример с меня: заработать свой обед, прежде чем съесть его. Довольно лентяйничать. Вам следовало быть на обходе еще полчаса тому назад.

Лекси (*в недоумении*). Она это серьезно говорит, Морелл?

Морелл (*в самом веселом настроении, глаза так и сияют*). Да. Сегодня лентяйничаю я.

Лекси. Вы! Да разве вы умеете?

Морелл (*поднимаясь со стула*). Ха-ха-ха! А то нет? Сегодня весь день мой... или по крайней мере полдня. Сейчас приезжает моя жена; она должна быть здесь в одиннадцать сорок пять.

Лекси (*удивленно*). Она уже возвращается? С детьми? Я думал, они пробудут там до конца месяца.

Морелл. Так оно и есть: она приезжает только на два дня — захватить теплые вещи для Джимми и посмотреть, как мы тут живем без нее.

Лекси (*с беспокойством в голосе*). Но, дорогой Морелл, если Джимми и Флэффи действительно болели скарлатиной, разве вы считаете разумным...

Морелл. Скарлатина? Ерунда, просто краснуха. Я сам занес ее сюда из школы с Пикрофт-стрит. Священник — это все равно что доктор, дитя мое. Он не должен бояться заразы, как солдат не боится пули. (*Похлопывает Лекси по плечу.*) Подцепите краснуху, Лекси, если сумеете: моя жена будет ухаживать за вами. То-то будет счастье для вас! А?

Лекси (*смиренно улыбаясь*). Вас очень трудно понять, вы так говорите о миссис Морелл...

Морелл (*с чувством*). Ах, дитя мое, женитесь на хорошей женщине, тогда вы поймете. Это предвкушение того высшего блаженства, что ждет нас в Царствии Божиим, которое мы пытаемся создать на земле. Это излечит вас от лентяйства. Честный человек понимает, что он должен платить небу за каждый счастливый час доброй мерой сурового, бескорыст-

ного труда, который состоит в служении ближним. Мы не имеем права пользоваться счастьем, если мы не насаждаем его, как не имеем права пользоваться богатством, не заработав его. Найдите себе такую жену, как моя Кандида, и вы всегда будете в долгу! *(Он ласково похлопывает Лекси по спине и идет к двери.)*

Лекси. Ах, подождите минутку, я забыл.

Морелл останавливается и оборачивается, уже приоткрыв дверь.

К вам собирался зайти ваш тесть.

Морелл, сразу меняясь в лице, снова закрывает дверь.

Морелл *(удивленно и недовольно)*. Мистер Берджесс?

Лекси. Да. Я встретил его в парке, он с кем-то оживленно беседовал. Он просил меня передать вам, что зайдет.

Морелл *(несколько недоверчиво)*. Но ведь он не был у нас целых три года. Да вы не ошиблись, Лекси? Вы не шутите, а?

Лекси *(серьезно)*. Нет, не шучу, сэр.

Морелл *(задумчиво)*. Гм! Пора ему взглянуть на Кандиду, пока она еще не успела измениться так, что он ее и не узнает. *(Выходит из комнаты с видом человека, который подчиняется неизбежному.)*

Лекси смотрит ему вслед с восторженно-глупым обожанием. Мисс Гарнетт, подавляя невольное желание хорошенько встряхнуть Лекси, дает выход своим чувствам в свирепой трескотне на машинке.

Лекси. Что за чудесный человек! Какая отзывчивая, любящая душа! *(Садится на стул Морелла у стола и, расположившись поудобнее, вынимает папиросу.)*

Прозерпина *(нетерпеливо, выдергивая из машинки письмо, которое только что дописала, и затем складывая его)*. Ах, можно любить свою жену, но не носиться с ней так, что смотреть тошно!

Лекси *(шокированный)*. Мисс Просси!

Прозерпина *(деловито достает конверт, вкладывает в него письмо)*. Тут Кандида, там Кандида, везде Кандида! *(Лижет края конверта, чтобы заклеить его.)* Да это кого угодно

может вывести из терпенья (*постукивает по конверту кулаком*), когда при тебе бессмысленнейшим образом перевозносятся до небес самую заурядную женщину только из-за того, что у нее красивые волосы и приличная фигура.

Лекси (*с укором, внушительно*). По-моему, она поразительно красива, мисс Гарнетт. (*Берет фотографию, разглядывает ее и добавляет с еще большей убежденностью.*) Поразительно красива. Какие чудесные глаза!

Прозерпина. У нее глаза ничуть не лучше, чем у меня. Вот!

Лекси ставит фотографию на место и сурово глядит на мисс Гарнетт.

А ведь сознайтесь, что вы считаете меня некрасивой и заурядной.

Лекси (*величественно поднимаясь*). Упаси боже, чтобы я позволил себе думать так хотя бы о самом ничтожном творении рук Господних! (*С чопорным видом отходит от нее и идет через комнату к книжному шкафу.*)

Прозерпина (*иронически*). Благодарю вас. Очень любезно и утешительно!

Лекси (*огорченный ее испорченностью*). Я не подозревал, что вы имеете что-то против миссис Морелл.

Прозерпина (*с негодованием*). Я ничего не имею против нее. Она очень милая, очень добрая, я очень люблю ее, и я лучше любого мужчины умею ценить ее хорошие качества.

Лекси грустно качает головой. Мисс Гарнетт вскакивает и подбегает к нему крайне раздраженная.

Вы мне не верите? Вы думаете, я ревную? Скажите, какое у вас глубокое знание человеческого сердца, мистер Лекси Милл! Как вы хорошо знаете женские слабости, не правда ли? Должно быть, так приятно быть мужчиной и обладать тонким, пронизательным умом вместо нашей глупой чувствительности и знать, что если мы не разделяем ваших любовных иллюзий, так это только потому, что все мы ревнуем вас друг к другу. (*Круто поворачивается и, передернув плечами, подходит к камину погреть руки.*)

Лекси. Ах, мисс Просси, если б только вы, женщины, умели так же пользоваться силой мужчины, как вы пользуетесь его слабостями, тогда не было бы никакого женского вопроса.

Прозерпина (*через плечо, нагнувшись и держа руки над огнем*). Где вы это слышали? Вероятно, от Морелла? Ведь не сами же вы это придумали, куда вам!

Лекси. Совершенно верно. Я не стыжусь признаться, что я усвоил это от него, так же как я усвоил от него много других духовных истин. Он говорил об этом на ежегодном собрании Женской либеральной федерации. Разрешите прибавить только, что если женщины этого не оценили, то я, мужчина, оценил. (*Снова повертывается к шкафу, полагая, что уж теперь-то он ее осадил.*)

Прозерпина (*поправляя прическу перед узкой полоской зеркала в каминной раме*). Ну, знаете, когда вы говорите со мной, излагайте, пожалуйста, ваши собственные мысли, какие они ни на есть, а не его. Вы не представляете себе, какой у вас жалкий вид, когда вы пытаетесь подражать ему.

Лекси (*уязвленный*). Я стараюсь следовать его примеру, а не подражать ему.

Прозерпина (*возвращаясь к своему рабочему столу, снова накидывается на Лекси*). Нет, подражаете, подражаете! Почему вы носите зонтик под мышкой, а не в руке, как все люди? Почему вы ходите, выставив вперед подбородок, быстрым шагом и с таким деловым видом? Это вы-то! Когда вы не способны подняться с постели раньше половины десятого. Почему во время проповеди вы говорите «познание», когда в разговоре вы всегда произносите «пазнанье»? Что, вы думаете, я не понимаю? (*Усаживается за машинку.*) Ну хватит! Принимайтесь-ка за работу; достаточно мы с вами сегодня потеряли времени. Вот вам расписание на сегодня. (*Протягивает ему листок.*)

Лекси (*глубоко оскорбленный*). Благодарю вас. (*Берет листок и, остановившись у стола, спиной к ней, читает расписание.*)

Прозерпина принимается переписывать на машинке стенограмму, не обращая на Лекси внимания. Входит без доклада мистер Берджесс. Это человек лет шестидесяти, очерстевший и огрубевший из-

за вечной расчетливости, неизбежной в мелкой торговле, но постепенно, благодаря сытой жизни и коммерческим успехам, раздобревший и размякший до ленивого самодовольства. Тупой, невежественный человек, для которого самое главное в жизни — собственное брюхо; грубый и высокомерный с людьми, чей труд ценится дешево, заискивающий перед богатством и титулом — и при этом вполне искренний, без всякой злобы и зависти к тем и другим. Природа не наделила его никакими талантами, и для него не нашлось в мире никакой высокооплачиваемой работы, кроме мошеннической эксплуатации чужого труда, — это наложило на него отпечаток животной тупости и хамства. Но он этого не подозревает и от души верит, что его коммерческие успехи являются неизбежным, благодетельным для общества торжеством усердия, способностей, проницательности и опыта делового человека, который в частной жизни покладист, привязчив и снисходителен к чужим порокам. Он маленького роста, толстый, плоским квадратным лицом и приплюснутым носом; редкая с проседью борода цвета мочалы; маленькие водянистые глазки смотрят с жалостно-прочувствованным выражением, и говорит он также прочувствованно, благодаря усвоенной им привычке напыщенно растягивать слова.

Берджесс (*останавливаясь в дверях и оглядываясь по сторонам*). Мне сказали, что мистер Морелл здесь.

Прозерпина (*поднимаясь*). Он наверху. Сейчас я вам его позову.

Берджесс (*видимо, разочарованный*). Вы, по-моему, не та молодая леди, которая раньше писала у него на машинке.

Прозерпина. Нет.

Берджесс (*себе под нос, направляясь к камину*). Нет, та была помоложе.

Мисс Гарнетт удивленно смотрит на него, затем выходит, сильно хлопнув дверью.

В обход собираетесь, мистер Милл?

Лекси (*складывая расписание и пряча его в карман*). Да. Мне пора идти.

Берджесс (*величественно*). Я не задерживаю вас, мистер Милл. Мне нужно поговорить с мистером Мореллом с глазу на глаз.

Лекси (*обиженно*). Я не намерен мешать вам, можете не сомневаться, мистер Берджесс. До свиданья.

Берджесс (*покровительственно*). До свиданья.

Лекси идет к двери; в это время входит Морелл.

Морелл (*Лекси*). На работу?

Лекси. Да, сэр.

Морелл (*ласково похлопывая его по плечу*). Возьмите мой шелковый шарф и закутайте шею. Сегодня холодный ветер. Ну, ступайте.

Лекси, просияв, вполне вознагражденный
за грубость Берджесса, уходит.

Берджесс. Балуете, как всегда, своих помощников, Джемс. Здравствуйте. Когда я плачу человеку жалованье и он находится в зависимости от меня, я держу себя с ним так, что он знает свое место.

Морелл (*очень сухо*). Я всегда держусь со своими помощниками так, что они прекрасно знают свое место, место моих соратников и товарищей. Если бы вы могли заставить своих клерков и рабочих работать так, как я заставляю своих помощников, вы бы давно разбогатели. Пожалуйста, садитесь в ваше кресло. (*Властным жестом указывает ему на кресло у камина, затем отодвигает от стола свободный стул и усаживается в несколько подчеркнутом отдалении от своего гостя.*)

Берджесс (*не двигаясь*). Все такой же, как прежде, Джемс.

Морелл. Когда вы были у нас последний раз, — как будто года три тому назад, — мне помнится, вы выразились примерно так же, только несколько более откровенно. Вот в точности ваши слова: «Все такой же болван, как прежде, Джемс!»

Берджесс (*успокоительно*). Ну что ж, может быть, я так и сказал, но (*с заискивающим благодушием*) я не хотел сказать ничего обидного. Священнику, знаете, полагается быть чуточку блаженным; это только подходит к его ремеслу. Я пришел сюда не затем, чтобы поднимать старые ссоры, а затем, чтобы покончить и забыть все, что между нами было. (*Внезапно принимая в высшей степени торжественный вид и направляясь*

к Мореллу.) Джемс, три года тому назад вы сыграли со мной скверную штуку. Вы провалили мой контракт; а когда я — ну, понятно, в огорчении — сказал вам несколько крепких слов, вы восстановили против меня мою дочь. Так вот, я поступаю по-христиански. *(Протягивает ему руку.)* Я прощаю вас, Джемс.

Морелл *(вскакивая)*. Черт знает что за бесстыдство!

Берджесс *(пятачис от него, обиженный чуть не до слез)*. Прилично ли так выражаться священнику, Джемс? Да еще такому взыскательному священнику, как вы!

Морелл *(гневно)*. Нет, сэр, священнику неприлично так выражаться, я не так выразился. Я должен был сказать: да провалитесь вы в преисподнюю с вашим дьявольским бесстыдством! Вот как сказал бы вам святой Павел и любой честный священнослужитель. Вы думаете, я забыл этот ваш подряд на поставку одежды для работного дома?

Берджесс *(объятый гражданскими чувствами)*. Я действовал в интересах налогоплательщиков, Джемс. Это был самый дешевый подряд, уж этого вы не можете отрицать.

Морелл. Да, самый дешевый, потому что вы платили рабочим такие гроши, что с вами не мог конкурировать ни один предприниматель. Женщины, которые шили эту одежду, получали у вас нищенскую плату, хуже чем нищенскую! Вы обрекали их на такую нужду, что им не оставалось ничего другого, как идти на улицу, чтобы не умереть с голоду. *(Все больше и больше раздражаясь.)* Эти женщины были мои прихожанки. Я пристыдил попечителей так, что они отказались принять ваш подряд, я пристыдил налогоплательщиков — как они могли допустить это. Я пристыдил всех, кроме вас! *(Вне себя от негодования.)* Как вы осмеливаетесь, сэр, являться сюда и говорить, что вы прощаете меня, и произносить имя вашей дочери, и...

Берджесс. Успокойтесь, успокойтесь, Джемс, успокойтесь! Не надо так волноваться из-за пустяков. Я признал, что я был не прав...

Морелл *(с возмущением)*. Признали? Я что-то не слышал.

Берджесс. Разумеется, признал. Я и сейчас готов признать. Ну, слушайте, я прошу у вас прощения за то письмо, которое написал вам. Теперь вы довольны?

Морелл (*хрустя пальцами*). Это ровно ничего не значит. А плату вы повысили?

Берджесс (*торжествующе*). Да.

Морелл (*застыв на месте*). Что?

Берджесс (*умильно*). Я стал примерным хозяином. Я больше не держу на работе женщин: я их всех рассчитал; всю работу делают у меня машины. Нет ни одного рабочего, который получал бы меньше шести пенсов в час, а квалифицированные мастера получают по ставке профсоюза. (*С гордостью*.) Что вы мне на это скажете?

Морелл (*потрясенный*). Не может быть! Ну что ж, об одном раскаявшемся грешнике больше радости на небесах... (*Направляясь к Берджессу в порыве сердечного раскаяния*.) Дорогой Берджесс, от всего сердца прошу вас простить меня за то, что я дурно думал о вас. (*Хватая его за руку*.) А теперь скажите, разве вы не чувствуете себя лучше от этой перемены? Ну признайтесь: вы чувствуете себя счастливее? И вид у вас более счастливый.

Берджесс (*угрюмо*). Что ж, может статься. Надо полагать, что так оно и есть, раз уж вы заметили это. Во всяком случае, контракт мой в муниципальном совете приняли. (*Злобно*.) Они не желали иметь со мной дела, пока я не поднял ставки. Черт бы их побрал, этих олухов, суются не в свое дело!

Морелл (*совершенно отчаявшись, отпускает его руку*). Ах вот почему вы повысили оплату! (*Мрачно садится на свое место*.)

Берджесс (*строго, наставительно и постепенно повышая тон*). А чего еще ради я стал бы это делать? К чему это ведет, кроме пьянства и зазнайства среди рабочих? (*Он с чрезвычайно внушительным видом усаживается в кресло*.) Все это очень хорошо для вас, Джемс. Вы благодаря этому попадаете в газеты, вас превозносят, вы становитесь знаменитостью, но вам никогда в голову не приходит, сколько вреда вы приноси-

те, отнимая деньги у людей, которые могли бы употребить их с пользой, и перекладывая их в карман рабочих, которые не знают, что с ними делать.

Морелл (*тяжело вздохнув, говорит с холодной учтивостью*). Что вас привело сегодня ко мне? Не стану притворяться, скажу прямо: не думаю, чтобы в вас вдруг заговорили родственные чувства.

Берджесс (*упрямо*). Вот именно, только родственные чувства, и ничего больше.

Морелл (*с усталым спокойствием*). Не верю.

Берджесс (*поднимаясь, с угрожающим видом*). Прошу вас, не говорите так со мной, Джемс Мэвор Морелл.

Морелл (*равнодушно*). Я буду так говорить до тех пор, пока вы не убедитесь сами, что это правда. Я не верю ни одному вашему слову!

Берджесс (*захлебываясь от оскорбления*). А, вот как! Ну, ежели вы намерены продолжать ссору, я думаю, мне лучше уйти. (*Нерешительно делает шаг к двери.*)

Морелл не двигается.

(*Берджесс медлит.*) Я не ожидал, что вы окажетесь таким непримиримым, Джемс.

Морелл по-прежнему безмолвствует.

(*Берджесс делает еще несколько нерешительных шагов к двери, затем возвращается, хныча.*) Жили же мы с вами раньше в ладу, хоть и расходились во взглядах. Почему же вы вдруг стали ко мне так относиться? Даю вам честное слово, я пришел сюда из чисто дружеских чувств, мне надоело жить в ссоре с мужем родной дочери. Полно, Джемс, будьте же христианином. Ну, дайте мне руку. (*С чувством кладет руку на плечо Морелла.*)

Морелл (*задумчиво, поднимая на него взгляд*). Послушайте, Берджесс. Хотите вы быть у нас таким желанным гостем, каким вы были до того, как у вас сорвался этот контракт?

Берджесс. Хочу, Джемс. Честное слово, хочу.

Морелл. Тогда почему же вы не ведете себя так же, как раньше?

Берджесс (*осторожно снимая руку с плеча Морелла*). Что вы хотите сказать?

Морелл. Я вам сейчас объясню. Вы тогда считали меня желторотым болваном.

Берджесс (*заискивающе*). Да нет, Джемс, я...

Морелл (*обрывая его*). Нет, считали. А я считал вас старым мошенником.

Берджесс (*бурно протестуя против такого грубого самообвинения Морелла*). Нет, что вы, Джемс! Неправда, вы клеветаете на себя.

Морелл. Да, я считал вас старым мошенником. Однако это не мешало нам поддерживать добрые отношения. Бог создал вас тем, что я называю мошенником, и Бог же создал меня тем, что вы называете болваном.

Это умозаключение колеблет основы моральных принципов и понятий Берджесса. Он весь как-то оседает и, беспомощно уставившись на Морелла, испуганно вытягивает перед собой руку, как будто для того, чтобы не потерять равновесие, точно пол ускользает у него из-под ног.

(*Морелл продолжает тем же спокойным, убежденным тоном.*) А мне не подобает роптать на создание рук Его, ибо как в том, так и в другом случае это Его воля. Если вы пришли сюда честно, как истинный, убежденный, уважающий себя мошенник, который защищает свое мошенничество и гордится им, — милости просим. Но (*голос Морелла становится грозным, он встает и внушительно стучит кулаком по спинке стула*) я не потерплю, чтобы вы являлись сюда морочить мне голову рассказами о том, что вы стали примерным хозяином и добродетельным человеком, тогда как вы просто ханжа, вывернувший шкуру наизнанку ради того, чтобы добиться выгодного контракта в муниципальном совете. (*Трясет энергично головой в подкрепление своих слов, затем подходит к камину и, став спиной к огню, с внушительным и непринужденным видом продолжает.*) Нет, я хочу, чтобы человек оставался ве-

рен себе даже в своих пороках. Так вот, не угодно ли? Или берите шляпу и убирайтесь, или садитесь и извольте дать мне откровенное, достойное истинного мошенника объяснение: почему вам понадобилось мириться со мной?

Берджесс, смятение которого улеглось настолько, что он пытается выразить свои чувства изумленной улыбкой, испытывает явное облегчение от такого конкретного предложения. Он с минуту обдумывает его, затем медленно и с величайшей скромностью садится на стул, с которого только что поднялся Морелл.

Вот так-то. А теперь выкладывайте.

Берджесс (*хихикая*). Право, вы все-таки большой чудак, Джемс, как хотите! Но (*почти с восторгом*) вас нельзя не любить. Опять-таки, как я уже сказал, нельзя, разумеется, принимать всерьез все, что говорит священник, иначе как же можно было бы жить. Согласитесь сами. (*Настраиивается на более глубокомысленный лад и, устремив взгляд на Морелла, продолжает с тупой серьезностью.*) Что ж, я, пожалуй, готов признаться, раз уж вы желаете, чтобы мы были совершенно откровенны друг с другом: я действительно считал вас когда-то чуточку блаженным, но теперь я начинаю думать, что у меня, как говорится, был несколько отсталый взгляд.

Морелл (*торжествующе*). Ага! Наконец-то вы додумались!

Берджесс (*многозначительно*). Да, времена меняются так, что даже трудно поверить. Пять лет тому назад ни одному здравомыслящему человеку не пришлось бы в голову считаться с вашими идеями. Я, признаться, даже удивлялся, как вас вообще подпускают к кафедре. Да что! Я знаю одного священника, которому лондонский епископ несколько лет не давал ходу, хотя этот бедный малый держался за свою религию ничуть не больше вашего. Но теперь, если бы мне предложили поспорить на тысячу фунтов, что вы когда-нибудь сами станете епископом, я бы воздержался. (*С важностью.*) Вы и ваша братия входите в силу; я теперь вижу это. И уж придется им как-нибудь да ублажить вас, хотя бы только для того, чтобы заткнуть вам рот. Надо признаться, у вас в конце концов бы-

ло верное чутье, Джемс; для человека такого сорта, как вы, вы взяли правильную линию, такую, которая приносит доход.

Морелл (*не колеблясь, решительно протягивает ему руку*). Вашу руку, Берджесс. Вот теперь вы разговариваете честно. Не думаю, что меня когда-нибудь сделают епископом; но если сделают, я познакомлю вас с самыми крупными воротилами, каких я только смогу заполучить к себе на званые обеды.

Берджесс (*поднимаясь с глуповатой улыбкой и отвечая на дружеское рукопожатие*). Вы все шутите, Джемс. Ну, теперь, значит, конец ссоре?

Женский голос. Скажи да, Джемс.

Оба, вздрогнув от неожиданности, оборачиваются и видят только что вошедшую Кандиду, которая смотрит на них с обычным для нее выражением шутиливой материнской снисходительности. Это тридцатитрехлетняя женщина, статная, с прекрасной фигурой, может быть чуть-чуть склонной к полноте, но сейчас как раз в меру, во всем обаянии молодости и материнства. По ее манере держать себя чувствуется, что эта женщина умеет расположить к себе людей и заставить их подчиняться и что она пользуется этим, нисколько не задумываясь. В этом отношении она мало отличается от любой хорошенькой женщины, которая достаточно умно пускает в ход свою привлекательность для мелких эгоистических целей; но ясный лоб Кандиды, ее смелый взгляд, выразительный рот и подбородок свидетельствуют о широте ума и возвышенности натуры, которые облагораживают эту вкрадчивость в подходе к людям. Мудрый сердцевед, взглянув на нее, тотчас же догадался бы, что тот, кто повесил над ее камином Деву из Тицианова «Успения», сделал это потому, что он уловил между ними некое духовное сходство; но, разумеется, он не заподозрил бы ни на минуту, что такая мысль могла прийти в голову ее супругу или ей самой; трудно предположить, чтобы они хоть сколько-нибудь интересовались Тицианом. Сейчас она в шляпке и пелерине; в одной руке у нее перетянутый ремнями плед, из которого торчит зонтик, в другой — ручной саквояж и пачки иллюстрированных журналов.

Морелл (*потрясенный своей забывчивостью*). Кандида! Как... (*Смотрит на часы и ужасается, обнаружив, что уже так поздно.*) Милочка моя! (*Бросается к ней, выхватывает у нее из рук плед, не переставая громко упрекать себя.*) Ведь я собирался встретить тебя на станции и не заметил, как про-

шло время. *(Бросает плед на кушетку.)* Я так заговорился, *(поворачивается к ней)* что совсем забыл... Ах! *(Обнимает ее, снедаемый чувством раскаянья.)*

Берджесс *(несколько сконфуженный и не уверенный в том, как к нему отнесутся).* Как поживаешь, Канди?

Кандида, все еще в объятиях Морелла, подставляет отцу щеку для поцелуя.

Мы с Джемсом заключили мир, почетный мир. Не правда ли, Джемс?

Морелл *(нетерпеливо).* А ну вас, с вашим миром! Я из-за вас опоздал встретить Кандиду. *(С сочувственным пылом.)* Бедняжка моя, как же ты справилась с багажом? Как...

Кандида *(останавливая его и высвобождаясь из его объятий).* Ну, будет, будет, будет! Я не одна. У нас был Юджин, и мы ехали сюда вместе.

Морелл *(приятно удивленный).* Юджин!

Кандида. Да, он возится с моим багажом, бедный мальчик. Выйди к нему сейчас же, милый, а то он расплатится с извозчиком, а я не хочу этого.

Морелл поспешно выходит. Кандида ставит на пол саквояж, затем снимает пелерину и шляпку и кладет их на кушетку рядом с пледом, разговаривая в то же время с отцом.

Ну, папа, как вы все там поживаете, дома?

Берджесс. Да что там, какая может быть радость дома, с тех пор как ты уехала от нас, Канди. Хоть бы ты когда-нибудь заглянула и поговорила с сестрой. Кто такой этот Юджин, который приехал с тобой?

Кандида. О, Юджин — это одна из находок Джемса. Он наткнулся на него в прошлом году в июне, когда тот спал на набережной. Ты не обратил внимания на нашу новую картину? *(Показывая на Деву.)* Это он подарил нам.

Берджесс *(недоверчиво).* Чушь! И как это ты можешь рассказывать такие небылицы мне, своему родному отцу, что какой-то бродяга покупает такие картины? *(Строго.)* Не выдумывай, Канди. Это благочестивая картина, и выбирал ее сам Джемс.

Кандида. Вот и не угадал. Юджин вовсе не бродяга.

Берджесс. А кто же он такой? (*Иронически.*) Благородный джентльмен, надо полагать?

Кандида (*кивая с торжеством*). Да. У него дядя — лорд. Настоящий живой пэр.

Берджесс (*не решаясь поверить столь замечательной новости*). Быть не может!

Кандида. Да. И у него был чек в кармане на пятьдесят пять фунтов, сроком на неделю, когда Джемс нашел его на набережной. А он думал, что не может получить по нему раньше чем через неделю, и ему было стыдно попросить в долг. Ах, он такой славный мальчик! Мы очень полюбили его.

Берджесс (*делает вид, что ему наплевать на аристократию, а у самого глаза загорелись*). Гм... Я так думаю, что этот племянник пэра вряд ли бы прельстился вашим Виктория-парком, если бы он не был малость придурковат. (*Снова разглядывая картину.*) Конечно, эта картина не в моем вкусе, Канди, но все же это превосходное, прямо сказать, первоклассное произведение искусства; в этом-то уж я разбираюсь. Ты, конечно, познакомишь меня с ним, Канди? (*С беспокойством смотрит на свои карманные часы.*) Я могу побыть еще минуты две, не больше.

Морелл возвращается с Юджином, на которого Берджесс смотрит влажным от восхищения взором. Это несколько странный, застенчивый молодой человек лет восемнадцати, хрупкий, женственный, со слабым детским голосом; испуганное, напряженное выражение его лица и привычка как-то робко ступевываться изобличают болезненную чувствительность утонченного и островосприимчивого юноши, у которого еще не успел сложиться характер. Он беспомощен и нерешителен, он не знает, куда девать себя, что с собой делать. Он оробел при виде Берджесса, и, если бы у него хватило смелости, он с радостью убежал бы и спрятался. Но та острота, с какой он переживает любое, самое обыкновенное состояние, проистекает от избытка нервной силы, а его глаза, ноздри, рот свидетельствуют о неукротимом, бурном своеволии, которое, судя по его лбу, уже отмечено чертами страдания, направлено не в дурную сторону. Он так необычен, что кажется почти не от мира сего. Люди прозаического склада склонны усматривать в этой отрешенности нечто пагубное,

тогда как поэтические натуры видят в ней нечто божественное. Одет он очень небрежно. На нем поношенная расстегнутая куртка из синей саржи поверх шерстяной теннисной рубашки, шелковый платок вместо галстука, брюки из той же материи, что и куртка, коричневые парусиновые туфли. Он, по-видимому, валялся в этом костюме на траве, переходил вброд речку и, судя по всему, никогда не прикасался к нему щеткой. Увидев незнакомого человека, он останавливается в дверях, затем пробирается вдоль стены в противоположный конец комнаты.

Морелл (*входя*). Идемте, идемте. Какие-нибудь четверть часа вы можете уделить нам, во всяком случае. Это мой тесть. Мистер Берджесс — мистер Марчбэнкс.

Марчбэнкс (*нервно жметя к книжному шкафу*). Очень приятно познакомиться, сэр.

Берджесс (*с величайшим благодушием направляется к нему через всю комнату, в то время как Морелл подходит к Кандиде, которая стоит у камина*). Счастлив познакомиться с вами, чрезвычайно, мистер Марчбэнкс. (*Вынуждая его к рукопожатию*.) Как вы себя чувствуете? Хороший денек, не правда ли? Надеюсь, вы не позволяете Джемсу засорять вам голову всякими безумными идеями?

Марчбэнкс. Безумными идеями? О, вы имеете в виду социализм. Нет!

Берджесс. Хорошо делаете. (*Снова взглядывая на часы*.) Да, а мне уже пора идти, ничего не поделаешь. Вам со мной не по пути, мистер Марчбэнкс?

Марчбэнкс. В какую сторону вы идете?

Берджесс. На станцию Виктория-парк. Поезд в Сити идет в двенадцать двадцать пять.

Морелл. Глупости. Я надеюсь, Юджин останется с нами завтракать.

Марчбэнкс (*взволнованно отнекиваясь*). Нет... я... я...

Берджесс. Отлично, отлично, я не настаиваю. Вы, конечно, предпочитаете позавтракать с Канди. Когда-нибудь, я надеюсь, вы пообедаете со мной в Клубе предпринимателей в Нортон-Фолгэйт.

СОДЕРЖАНИЕ

КАНДИДА. <i>Мистерия</i> <i>Перевод М. Богословской, С. Боброва</i>	5
ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА. <i>История</i> <i>Перевод М. Богословской, С. Боброва</i>	83
СМУГЛАЯ ЛЕДИ СОНЕТОВ. <i>Интерлюдия</i> <i>Перевод М. Лорие. Перевод предисловия Н. Рахмановой</i>	205
ПИГМАЛИОН. <i>Роман-фантазия в пяти действиях</i> <i>Перевод П. Мелковой.</i> <i>Перевод предисловия и послесловия Н. Рахмановой</i>	255
ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА <i>Фантазия в русском стиле на английские темы</i> <i>Перевод С. Боброва и М. Богословской.</i> <i>Перевод предисловия Е. Лопыревой</i>	369
МИЛЛИОНЕРША <i>Помпезная комедия в четырех актах</i> <i>Перевод П. Мелковой</i>	527

Шоу Б.

Ш 81 Малое собрание сочинений / Бернард Шоу ; пер. с англ. С. Боброва, М. Богословской, Е. Лопыревой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с.

ISBN 978-5-389-19228-7

Джордж Бернард Шоу — выдающийся британский драматург, чьи пьесы до сих пор не сходят с театральных подмостков во всем мире, лауреат Нобелевской премии по литературе 1925 года и премии «Оскар» за сценарий фильма «Пигмалион» (1938) по его же одноименной комедии, автор 56 пьес, основоположник (наряду с Ибсенем и Чеховым) интеллектуального театра XX века, парадоксалист, любивший выворачивать наизнанку прописные истины и соединять, казалось бы, несоединимое, темпераментный полемист, острослов и остроумец, обладавший прирожденным чувством смешного. В настоящий сборник включены пьесы Шоу, относящиеся к различным периодам его творчества и запечатлевшие разные грани авторского таланта: от ранней психологической драмы «Кандида» и исторической пьесы «Цезарь и Клеопатра» до поздней комедии «Миллионерша». Особняком в наследии Шоу стоят две знаменитые пьесы, также представленные в издании: «Пигмалион» — история лондонского профессора фонетики Генри Хиггинса, который «сотворил» из уличной цветочницы Элизы Дулитл светскую леди и, подобно древнегреческому скульптору Пигмалиону, влюбился в свое творение, и «Дом, где разбиваются сердца» — «фантазия в русском стиле на английские темы» и одно из самых «чеховских» произведений драматурга, где заглавный образ дома-корабля символизирует старый мир, вступивший в новый век и стоящий на пороге гибели.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-6

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД ШОУ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Елена Терскова,
Юлия Теплова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.03.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в филиале «Тульская типография» ООО «УК» «ИРМА».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AMS-27935-01-R